

УДК 246(Р473.5)

DOI: 10.24412/2309-5164-2021-4-45-62

*Митрополит Костромской и Нерехтский
Ферапонт (Кашин),
кандидат богословия,
заведующий кафедрой Богословских дисциплин КоДС*

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ЧУДОТВОРНОЙ ФЕОДОРОВСКОЙ ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ И КОСТРОМСКОГО КРЕМЛЯ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА.

Часть 1

В данной статье, как и в опубликованной ранее подборке материалов по XIX веку, приводятся в хронологическом порядке тексты из различных источников, собранные автором для написания книги о Феодоровской иконе Пресвятой Богородицы.

Все даты в тексте приводятся по старому стилю, сокращения раскрываются без дополнительных оговорок или (при их возможной неоднозначности) посредством квадратных скобок, пояснения автора выделены квадратными скобками. Цитирование производится преимущественно в согласии с современными нормами орфографии и пунктуации.

Ключевые слова: Феодоровская икона Божией Матери, Кострома, Костромская епархия, Костромской кремль.

Цитирование: Ферапонт (Кашин), митр. Костромской и Нерехтский. Материалы по истории чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери и Костромского кремля в начале XX века. Часть 1 // *Ипатьевский вестник*. — 2021. — № 4. — С. 45–62.

Начало XX века стало временем проявления особого интереса различных слоев российского общества к истории чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери и к связанным с ней темам — в частности, к истории Костромского кремля и его Успенского собора. Конечно, немалую роль в этом сыграл

*Митрополит Костромской и Нерехтский
Ферапонт (Кашин)*

грядущий (в 1913 году) юбилей 300-летия царствования Дома Романовых, однако внимание общественности к прошлому костромской святыни отнюдь не ограничивалось временем после 1613 года. И символичным видится то, что новый XX век начался с весьма неординарного события — установления в Костроме особого гражданского праздника 16 августа, в день явления чудотворного образа на Запрудне князю Василию Ярославичу (напомним, что в то время с церковной точки зрения данное празднование было скорее местнотимым и по всем параметрам уступало торжеству 14 марта, установленному в память воцарения Михаила Феодоровича Романова).

Еще в 1900 году, на исходе XIX столетия, Костромская городская дума выступила с инициативой: установить 16 августа, в праздник явления Феодоровской иконы Божией Матери, в городе Костроме неприсутственный день — то есть по сути гражданский праздник, выходной день для государственных учреждений и учебных заведений. Костромской губернатор, основываясь на ходатайстве думцев, направил два представления по этому поводу министру внутренних дел в Санкт-Петербург, и началось движение бумаг по ведомствам. Министерство внутренних дел затребовало отзывы по этому предложению от министерства народного просвещения, министерства юстиции и от Святейшего Синода. 26 января 1901 года Синод принял по данному поводу определение за № 338, высочайше утвержденное 7 февраля:

«Обсудив ходатайство Костромской городской думы об установлении в городе Костроме 16 августа, в праздник явления Феодоровской иконы Божией Матери, неприсутственного дня, Святейший Синод определяет: предоставить г[—ну] синодальному обер-прокурору уведомить министра внутренних дел, что со стороны Святейшего Синода не встречается препятствий к удовлетворению вышеизъясненного ходатайства Костромской городской думы»¹.

Впрочем, итоговое обсуждение этого вопроса состоялось лишь в октябре. 16 октября 1901 года на заседании комитета министров было заслушано представление:

«Об установлении — согласно с отзывами министров народного просвещения и юстиции, а также и обер-прокурора Святейшего Синода — в городе Костроме 16 августа, в день явления чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери, чтимой в названном городе с особым усердием, неприсутственного дня»².

Комитет министров решил (обращаясь к императору):

«Испросить высочайшее Вашего императорского величества соизволение на установление в городе Костроме ежегодно, в день явления чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери — 16 августа, наряду с церковным и гражданского праздника, в который присутственные места освобождались бы от служебных занятий, а училища от учения»³.

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). — Ф. 796. — Оп. 182. — Д. 2414. — Л. 3.

² РГИА. — Ф. 1263. — Оп. 2. — Д. 5512. — Л. 106 об. — 107.

³ Там же.

30 октября 1901 года император Николай II наложил на соответствующем журнале заседания комитета министров резолюцию «Согласен»¹, и тем самым вопрос был разрешен окончательно. Святейший Синод определением от 14–31 декабря 1901 года за № 5145 распорядился уведомить о состоявшемся высочайшем соизволении епископа Костромского и Галичского Виссариона (Нечаева)², и уже третий номер (от 1 февраля) «Костромских епархиальных ведомостей» 1902 года открывался текстом синодального указа:

«По указу Его императорского величества, Святейший Правительствующий Синод слушали: предложение г[–на] синодального обер-прокурора от 29 ноября 1901 года № 8432 о том, что государь император, согласно положению комитета министров, в 30-й день октября 1901 года высочайше повелеть соизволил установить в городе Костроме ежегодно, в день явления чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери 16 августа, наряду с церковным и гражданский праздник, в который присутственные места освобождаются от служебных занятий, а училища от учения. Приказали: Об изъясненном в настоящем предложении высочайшем соизволении уведомить Ваше преосвященство указом, а в канцелярию обер-прокурора Святейшего Синода передать выписку из сего определения. Января 4 дня 1902 года»³.

Так празднование 16 августа обрело в Костроме особый статус — можно сказать, подчеркивающий древность чудотворного образа и напоминающий: слава Феодоровской иконы непосредственно связана с историей царского Дома, но рамками этой истории не ограничивается.

В том же 1901 году в пятом выпуске сборника историко-краеведческих работ «Костромская старина», издававшемся Костромской губернской ученой архивной комиссией, было опубликовано исследование костромского священника Василия Соколова «Описание и критический разбор рукописей, имеющихся в библиотеке Костромской ученой архивной комиссии и содержащих службу и сказания о явлении и чудесах Феодоровской иконы Божией Матери»⁴. Автор статьи описывал и анализировал три списка Сказания, содержащих текст его пространной редакции. Несомненной заслугой отца Василия было то, что он обратил внимание на связь Сказания со старинной службой чудотворной Феодоровской иконе (той, что в современных изданиях богослужебных миней публикуется под 16/29 августа). Однако мнение отца Василия о возможном времени создания этой службы — «не ранее 1275 и не позднее 1480 года»⁵ — надо полагать ошибочным. О. Н. Радеева отмечает: «Интересным вопросом, на который обратил внимание В. А. Соколов, является проблема связи Сказания

¹ Там же. — Л. 106.

² РГИА. — Ф. 796. — Оп. 182. — Д. 2414. — Л. 7.

³ О праздновании дня 16 августа в городе Костроме. (Указ Святейшего Синода преосвященному Виссариону, епископу Костромскому и Галичскому, № 63) // Костромские епархиальные ведомости. — 1902. — № 3. — Отдел I, часть официальная. — С. 23.

⁴ Соколов В. А., священ. Описание и критический разбор рукописей, имеющихся в библиотеке Костромской ученой архивной комиссии и содержащих службу и сказания о явлении и чудесах Феодоровской иконы Божией Матери // Костромская старина. — Вып. 5. — Кострома, 1901. — С. 199–264.

⁵ Там же. — С. 235.

о явлении и чудесах со службой Федоровской иконе. Но выводы исследователя о времени появления самой древней службы явлению в Костроме Федоровской иконы представляются маловероятными. В частности, он заключает, что эта служба была составлена вскоре после перенесения иконы в XIII веке, что ее автор и автор древней службы Владимирской иконе Богородицы близки и тексты служб двум богородичным иконам родственны. В датировке написания службы, а значит, и в выводе, что именно служба стала основой Сказания, В. А. Соколов явно ошибся. (...) Работа В. А. Соколова представляет ценность с точки зрения методологии, так как сравнение нескольких списков Сказания и службы позволяет ответить на вопросы о принципах распространения книжных памятников, о их литературных и книжных особенностях»¹.

В 1903 году Святейший Синод вновь рассматривал вопрос о перенесении срока отбытия чудотворной Феодоровской иконы из Костромы при ее ежегодном путешествии в Галич и Буй. 29 января 1903 года епископ Костромской и Галичский Виссарион (Нечаев) направил в Синод представление, в котором говорилось:

«В настоящее время прихожане и причты находящихся близ города Буя сел Контеево, Воскресенского на Кореге и Георгиевского, что на реке Костроме, обратились к епархиальному начальству с просьбой о разрешении им на будущее время, по прибытии в город Буй, чудотворную Феодоровскую икону Божией Матери принимать в свои приходские храмы, для чего потребуется времени не более двух дней.

Местный причт костромского кафедрального собора удовлетворение изложенного ходатайства прихожан и причтов сел Контеево, Воскресенского на Кореге и Георгиевского на Костроме находит возможным, если только будет разрешено изнесение св[ятой] иконы из города Костромы совершать не в пятницу, а в среду на третьей неделе по Пасхе, не удлиняя времени пребывания святыни в пути.

Не имея со стороны епархиального начальства препятствий к удовлетворению благочестивого желания и просьбы прихожан сел Контеево, Воскресенского на Кореге и Георгиевского на реке Костроме, согласно мнению причта кафедрального собора и заключению консистории, имею долг почтительнейше ходатайствовать пред Святейшим Правительствующим Синодом о разрешении находящуюся в костромском кафедральном соборе св[ятую] чудотворную Феодоровскую икону Божией Матери износить в города Галич и Буй не в пятницу, а в среду на третьей неделе по Святой Пасхе»².

Святейший Синод удовлетворил это ходатайство определением от 6–17 марта 1903 года за № 1149, о чем в Кострому был послан синодальный указ (от 20 марта 1903 года за № 2436). В указе говорилось:

«По вниманию к благочестивому усердию прихожан сел Контеево, Воскресенского на Кореге и Георгиевского, что на реке Костроме, и согласно ходатайству Вашего преосвященства Святейший Синод определяет: разрешить

¹ Радеева О. Н. Сказание о Федоровской иконе Пресвятой Богородицы в книжной культуре России XVII–XVIII веков. — Дис. на соискание уч. ст. канд. ист. н. — М., 2011. — С. 14–15.

² РГИА. — Ф. 796. — Оп. 184. — Д. 2836. — Л. 1–1 об.

износить Феодоровскую икону Божией Матери из города Костромы в города Галич и Буй в среду третьей недели по Пасхе для предоставления прихожанам вышеупомянутых сел возможности принимать названную икону, по прибытии оной в город Буй, в свои приходские храмы, с тем, однако, чтобы святая икона была приносима обратно в город Кострому накануне праздника Святой Пятидесятницы»¹.

Впрочем, как мы видим из публиковавшейся в епархиальном журнале хроники церковных событий, уже в следующем, 1904 году (и далее ежегодно) чудотворную икону стали износить из Костромы в Галич еще на три дня раньше, в саму неделю жен-мироносиц (воскресенье). Судя по всему, это изменение также согласовывалось со Святейшим Синодом: в синодальном деле 1903 года (на которое мы ссылались выше) в рукописный текст определения от 6–17 марта (на основании которого издавался указ от 20 марта) внесена карандашная правка, как будто текст определения впоследствии собирались пересмотреть. С учетом этой правки текст выглядит так:

«По вниманию к благочестивому усердию обывателей города Галича и согласно ходатайству преосвященного Костромского, Святейший Синод определяет: разрешить износить Феодоровскую икону Божией Матери из города Костромы в города Галич и Буй вместо среды недели святых жен-мироносиц в самую неделю жен-мироносиц для предоставления возможности продлить срок пребывания означенной иконы в городе Галиче на два лишних дня, с тем чтобы святая икона была приносима обратно из города Галича чрез Буй в город Кострому накануне праздника Святой Пятидесятницы к 2 часам пополудни»².

По такому расписанию — с недели жен-мироносиц до Троицкой родительской субботы — перенесение святыни в Галич и Буй совершалось и в последующие годы.

В 1903 году началась история постройки в Костроме, близ соборного ансамбля, памятника в ознаменование 300-летия царствования Дома Романовых. Однако первая попытка инициировать такой процесс не имела последствий.

«В 1903 году в Костромской городской думе решался вопрос о будущем праздновании 300-летия царствующей династии, в котором Кострома должна была принять особое участие. Думцы сочли, что самым удачным было бы сооружение памятника на берегу Волги, на месте бывшего кремля, где в XVII веке находился осадный двор бояр Романовых. Предложение костромичей было одобрено великим князем Сергеем Александровичем, который намеревался сообщить об этом императору. По какой-то причине сразу доклад не состоялся, затем началась русско-японская война, революция. Вопрос о постройке памятника в Костроме был отложен»³.

¹ Об изменении времени изнесения из Костромы Феодоровской иконы Божией Матери. (Выписка из определения консистории от 26 марта 1903 года за № 1768) // Костромские епархиальные ведомости. — 1903. — № 7. — Отдел I, часть официальная. — С. 85.

² РГИА. — Ф. 796. — Оп. 184. — Д. 2836. — Л. 2–2 об.

³ Ковалева Л. А. История несуществующего памятника (строительство памятника в честь 300-летия Дома Романовых в городе Костроме) // Костромской кремль: Сборник материалов / сост. Семенова А. В. — Кострома, 2018. — С. 351.

20 декабря 1903 года Костромская духовная консистория утвердила устав общества хоругвеносцев при Успенском кафедральном соборе; день 23 декабря 1903 года (когда это определение консистории утвердил епископ Виссарион) стал днем официального создания общества. Но его история, как отмечал настоятель кафедрального собора протоиерей Иоанн Сырцов, в действительности началась ранее.

«Образовалось это общество и начало трудиться на пользу Церкви и своих сограждан несколькими годами раньше. Правда, тогда оно представляло небольшой кружок любителей ношения в церковных процессиях хоругвей и икон, кружок, составившийся из простых, но благочестивых мелких торговцев, ремесленников, извозчиков и подгородных крестьян. Тем не менее, этот небольшой кружок был уже на пути к образованию настоящего общества и делал уже то, что делает теперешнее общество. Он обязательно являлся в костромской собор, в Ипатьевский монастырь и в городские храмы к каждому крестному ходу и принимал самое живое участие в чинном совершении духовных процессий по городу, ходил в процессии с хоругвями и иконами на своих плечах и за город до Ипатьевского и даже Песошенского (за 18 верст) монастыря. Про этих тружеников добровольных тогда никто почти не знал, да и знать не мог: на них смотрели как на обыкновенных любителей духовных процессий, жертвующих, к славе Божией, своими силами. Между тем эти мелкие торговцы, фабричные рабочие, извозчики и крестьяне, богатые только духом благочестия и усердием к храму Божию, не ограничиваясь крестоношением, икононошением, собирали между собою пятаки и на эти лепты устраивали к любимым храмам, особенно тем, где стоят особенно чтимые святые иконы, каковы Успенский собор с Феодоровской иконой, Ипатьевский монастырь с Тихвинской иконой и Песошенский монастырь с Смоленской иконой Божией Матери, — в эти храмы они устраивали новые хоругви, киоты для икон, носилки, помочи и тому подобное — словом, всячески заботились о том, чтобы установленные церковные процессии по городу и за город совершались чинно и при обстановке, достойной святости дела. Свидетельством такого усердия хоругвеносцев к храмам Божиим до открытия в конце 1903 года общества служат пожертвованные ими хоругви в Успенском соборе, Ипатьевском и Песошенском монастырях, употребляемые обязательно во всех крестных ходах»¹.

После своего официального создания общество хоругвеносцев (в число учредителей которого вошли костромской городской голова Геннадий Николаевич Ботников и церковный староста Успенского кафедрального собора купец Александр Онуфриевич Днепров) заказало для своих членов 40 форменных кафтанов из темно-синего сукна с серебряными галунами, кантами и кистями, приобрело для кафедрального собора дорогие металлические хоругви в стиле XVIII века. Основной же заботой членов общества оставалась помощь в организации крестных ходов.

¹ Сырцов И.Я., прот. Общество хоругвеносцев при костромском Успенском кафедральном соборе. (По поводу четырехлетия, исполнившегося 23 февраля) // Костромские епархиальные ведомости. — 1908. — № 2. — Отдел неофициальный. — С. 59–60 (возможно, в заголовке опечатка и следует читать «23 декабря»).

«Они считают своей священной обязанностью являться к крестным ходам в те храмы, из которых ходы предполагаются, и, облекшись в форменные кафтаны, разбирают хоругви и иконы и носят их по городу и за город целые часы; они поддерживают в храмах и процессиях порядок, руководствуясь указанием настоятелей церквей и монастырей; они наблюдают во время процессий за целостью и неприкосновенностью священных предметов, взятых из храмов. Словом, хлопочут о том, чтобы крестные ходы совершались так, как прилично святому делу»¹.

В 1904 году в кафедральных соборах Костромского кремля проводились работы по позолоте: «Все главы обоих соборных храмов, верх и шпиг колокольни и кресты на главах и колокольном шпиге в 1904 году вызолочены червонным золотом»². А в 1905 году в шестом выпуске сборника «Костромская старина» была опубликована работа И. В. Баженова «Костромской кремль. Историко-археологический очерк» — и поныне являющаяся, если можно так сказать, классическим сочинением по истории кремля. Впрочем, Иван Васильевич понимал всю трудность такого исследования и во вступительной части очерка предупреждал читателя: «... при всем желании автора в деталях воспроизвести дорожную родную старину, зорким оком проникнуть сквозь густую вуаль веков и событий вглубь минувших судеб и особенно же в начальном периоде осветить их, предлежащий труд не может претендовать на изображение полной истории Костромского кремля. Автор делает попытку представить лишь общий историко-археологический очерк кремля, а такой не может оказаться без пробелов»³.

В том же 1905 году очерк И. В. Баженова «Костромской кремль» был напечатан отдельным изданием. Однако в целом в те годы сочинений И. В. Баженова публиковалось весьма немного — видимо, потому, что Иван Васильевич завершал работу над своей магистерской диссертацией, посвященной Евангелию от Иоанна. Лишь после защиты диссертации (в 1907 году) он активно занялся научно-краеведческой деятельностью, в том числе связанной с историей Феодоровской иконы Божией Матери и Костромского кремля.

Другим церковным ученым и духовным писателем, труды которого в начале XX века непосредственно относились к Успенскому кафедральному собору Костромы и его главной святыне, был настоятель собора протоиерей Иоанн Сырцов. В 1905–1906 годах он опубликовал в «Костромских епархиальных ведомостях» цикл очерков о перенесении чудотворной Феодоровской иконы в Галич в 1904 году. Эти записки отца Иоанна (который сам сопровождал икону в ее путешествии) содержат много интересных деталей из церковной и народной жизни того времени. Приведем здесь фрагмент его статьи «По пути из Костромы до Галича с Феодоровской чудотворной иконой Божией Матери».

¹ Там же. — С. 61.

² Краткие статистические сведения о приходских церквях Костромской епархии: Справочная книга. — Кострома, 1911. — С. 1.

³ Баженов И. В. Костромской кремль: Историко-археологический очерк // Костромская старина: Издание Костромской ученой архивной комиссии. — Вып. 6. — Кострома, 1905. — С. 91.

«В 1904 году мне пришлось лично сопровождать Феодоровскую икону Божией Матери из Костромы в город Галич и обратно. Путешествие продолжалось больше месяца (с 11 апреля по 15 мая). Пришлось побывать с иконой в трех городах: Судиславле, Галиче и Буге, в 23-х селах и в многочисленных попутных деревнях. Всюду прибытие чудотворной иконы возбуждало в народе необыкновенный религиозный энтузиазм. Обычный день превращался в день праздничный. По-праздничному одетый народ, оставив домашний труд, спешил в храм на молитву и принимал святую икону в свои дома. Посторонний наблюдатель при виде столь сильной народной веры и религиозного возбуждения, вызываемых появлением чудотворной иконы, сам может весьма многому поучиться у простого народа. Во всяком случае, на нас это проявление народной веры всюду производило глубокое и неотразимое впечатление.

Главная цель путешествия святой Феодоровской иконы — это посещение Галича; прочие города, села и деревни посещались только потому, что расположены на пути следования иконы.

Поэтому икона остается в попутных городах не больше двух–трех дней, в селах не больше суток, а иногда и меньше, в деревнях же не остается и на день, ограничивая свое посещение лишь несколькими часами. Между тем в городе Галиче она остается больше двух недель (18 дней). (...)

Независимо от совершения особого богослужения в местных храмах, где святая икона остается на ночь, во всех городах, селах и деревнях обязательно совершаются по домам жителей частные молебны. Не остается ни в городе, ни в селе, ни в деревне ни один обывательский дом, где бы не была принята святая икона, где бы не был совершен молебен, часто с водоосвящением, иногда и с акафистом Феодоровской иконе. В этом заключается главный и весьма нелегкий труд соборного причта, сопровождающего святую икону. В течение одного дня приходится побывать иногда в нескольких селах и в десяти и больше деревнях и совершить до сотни молебнов. Всего же за время путешествия иконы в Галич и обратно в течение месяца совершается от 3½ до 4 тысяч молебнов, не считая больших служб.

Длинные поездки от деревни до деревни, села или города икона обыкновенно сопровождается в карете, заложной четверней. В карете с иконой неотложно пребывают в священном облачении соборный протоиерей или иерей и диакон. Впереди кареты в особом экипаже предшествует местный становой пристав; позади сопровождает местный благочинный.

Приближаясь к любой деревне, вы замечаете массу деревенского населения, вышедшего на встречу святой иконы далеко за деревню и частью бегущего вперед, чтобы поскорее удостоиться взглянуть на икону чрез открытые дверцы кареты. Молодые женщины, девицы, парни и дети, встретив икону за версту и больше от своего селения, большими толпами бегут затем обратно по обеим сторонам кареты, по вспаханым полям, иногда по грязи, не отставая и даже опережая карету. Приходилось видеть, как деревенская здоровая, веселая и нарядная молодежь пробегала за иконой расстояние в несколько верст от одной деревни до другой, постоянно заглядывая в карету и осеняя себя крестным знаменем.

С приближением к деревне вся масса собравшегося народа преклоняется пред иконой, многие до земли. Поднявшись, затем все бросаются к иконе, желая если не облобызать, то по крайней мере прикоснуться к ней и, особенно, понести по деревне.

Несут икону прежде всего на особо уготованное среди деревни место, где совершается пред ней общий для всей деревни молебен с водоосвящением. Молебен заканчивается лобызанием святого образа от всех собравшихся и молившихся. Но прежде, нежели будет начат обход с иконой по домам, требуется еще пронести икону над головами грудных детей. С этой целью матери со своими детьми усаживаются вдоль улицы на корточки целой вереницей; дети обычно поднимают рев на всю деревню, матери баюкают, немилосердно трясут их, стараясь в то же время усесться поудобнее. Наконец икона прошла над самыми головами матерей с детьми. Матери довольны, веруя, что их с детьми осенила небесной благодатью и благословила Сама Матерь Божия, дети успокоились...

Начинается по порядку обхождение домов. Икону наперерыв берутся нести деревенские обыватели, сменяя друг друга. Все население провожает икону от дома до дома и, не имея возможности за множеством зайти в самый дом, стоит около дома, пока совершается в доме молебен.

В каждом доме вы видите накрытый к приходу святой иконы чистой скатертью стол, на столе каравай хлеба с солонкой, в переднем углу пред образами возжженные лампады и свечи, под образами кадка с житом. Вся семья налицо; слезли для молитвы с печи и полатей немощные старики и старухи, в редких, только в чрезвычайных случаях оставляющие свой старческий одр. В заключение молитвы семья снова лобызает святую икону, хозяйки обтирают лик Божией Матери ватой и вату берут себе как святыню, исцеляющую от недугов; при выносе из дома матери с детьми снова стараются присесть под икону, чтоб она прошла еще раз над их головами.

Таков общий порядок принятия святой иконы во всех деревнях, где нам только приходилось быть, — порядок, наглядно свидетельствующий о простой, но пламенной, сердечной, глубокой, непоколебимой вере людей простых, почти еще не тронутых современной разрушительной светской цивилизацией»¹.

Отметим, что и в самой Костроме церковные шествия с чудотворной иконой совершались по-прежнему очень торжественно. Вот, например, как описывали «Костромские епархиальные ведомости» (в заметке без указания имени автора) генеральный крестный ход 19 июня 1905 года — первый из трех воскресных. Это время примечательно тем, что в Костромской епархии тогда не было своих архиереев: епископ Костромской и Галичский Виссарион (Нечаев) незадолго до того отошел ко Господу, вслед за ним скончался vicарный епископ Кинешемский Вениамин (Платонов), а новых архипастырей на их места назначить еще не успели.

«В нынешнем году в первый раз, кажется, за все время существования нашей епархии осиротевшая Костромская церковь встречала это церковное

¹ Сырцов И.Я., протоиерей. По пути из Костромы до Галича с Феодоровской чудотворной иконой Божией Матери // Костромские епархиальные ведомости. — 1905. — № 17. — Отдел II, часть неофициальная. — С. 510–513.

торжество без своего архипастыря. Пред началом поздней литургии принесены были в собор из приходских церквей наиболее чтимые иконы. Литургию совершал отец ректор семинарии архимандрит Николай в сослужении отца кафедрального протоиерея и духовника семинарии. По окончании службы процессия во главе с архимандритом Николаем и отцом протоиереем И. Сырцовым при торжественном колокольном звоне двинулась по набережной реки Волги, по направлению к церкви св[ятителя] Стефана Сурожского; отсюда, повернувшись влево, вступила в самый город и, выйдя на Русину улицу, мимо Ильинской церкви прошла к собору. Величественная картина открылась взору, когда крестный ход поднимался на гору. От церкви св[ятителя] Стефана идет довольно высокий и широкий подъем до города, который тянется на большое расстояние. Стройно, в глубоком молчании шли народные толпы; как бы некий могучий поток плавно катил свои волны. Посреди народной массы, возвышаясь над нею, шествовали святые, столь близкие, дорогие сердцу костромичей: Феодоровская икона Божией Матери, Спас Нерукотворенный, Смоленская икона Царицы Небесной и другие. (...) По заведенному исстари обычаю, настоятели церквей, мимо которых святые проносятся, встречают крестный ход в облачении возле своих храмов и подносят честный крест для лобызания первенствующему священнослужителю. Краткие молебствия отслужены были у церкви Вознесения, у Стефановской, тюремной и Ильинской церквей. На дворе здания губернской тюрьмы выстроены были арестанты (числом до 50). С умиленной душой и сокрушенным сердцем выслушали они молебное пение; охотно подошли ко святому кресту и приняли окропление святой водой. Чувствовалось, что это еще не потерянные люди, что они еще способны воспринимать благодатные утешения. Непрерывный колокольный звон, пение священных песнопений, вид святых, общее соревнование в благочестивом усердии к несению их — все это возвышало дух, поддерживало благоговейно-молитвенное настроение у всех участвовавших, и много-много воздыханий вознеслось ко Господу, много сердечных прошений излилось, да утвердит Господь христианские нравы в нашем граде, да спасет Россию от всех зол. Общее число богомольцев, по исчислению полиции, доходило до 25 тысяч человек»¹.

В 1908 году в №№ 10 и 11 «Костромских епархиальных ведомостей» была опубликована статья протоиерея Иоанна Сырцова «Стенная живопись в костромском Успенском кафедральном соборе». В этой работе подробно, детально описываются росписи самого собора, примыкавшей к нему (с восточной и южной сторон — при том, что собор был обращен алтарем на север) галереи и придела во имя великомученика Феодора Стратилата. Такие сведения представляют особую ценность сейчас, когда мы готовимся к воссозданию Успенского собора.

Среди росписей стен галереи можно выделить те, которые непосредственно относились к чудотворной Феодоровской иконе Богоматери. С восточной стороны в галерее на стене самого собора в три яруса располагались изображения, посвященные явлению и чудесам образа Царицы Небесной. Отец Иоанн описывал их так:

¹ Епархиальная хроника // Костромские епархиальные ведомости. — 1905. — № 13. — Отдел II, часть неофициальная. — С. 411–412.

«1. Святой великомученик Феодор Стратилат в день Успения носит икону по городу Костроме.

2. Костромской князь Василий Квашня 16 августа, будучи на охоте в лесу, видит святую икону на сосне в небесном сиянии.

3. Князь Василий стоит пред иконой на коленях и молится, намереваясь взять ее и унести в Кострому.

4. Пред новоявленной иконой молятся костромское духовенство и множество народа, пришедшие с намерением взять и унести икону в Кострому.

5. Икона уже в Костроме в храме святого Феодора Стратилата; пред ней костромичи усердно молятся.

6. Пожар в храме Феодора Стратилата.

7. Обретение иконы на третий день после пожара, в пепле.

8. Выход с иконой из Костромы против нашествия татар.

9. Битва с татарами за рекой Костромой у Святого озера.

10. Новый пожар в храме Феодора Стратилата, во время которого икона поднялась на воздух и таким образом была спасена.

Далее идут исцеления от иконы:

11. Исцеление юноши Моисея в храме Божиим пред обновленным образом (в 1636 году), после молебствия, от падучей болезни.

12. Исцеление некоей женщины Антонида от слепоты.

13. Исцеление некоей женщины Ирины от беснования.

14. Исцеление некоей девицы Параскевы от слепоты.

15. Исцеление некоего посадского человека Иосифа от черной немочи.

16. Исцеление отрока Иоанна от новолунного недуга (лунатизма).

17. Исцеление некоей женщины Татианы, одержимой галичной кликоткой, порчей.

18. Исцеление расслабленной девицы Фотиньи.

19. Исцеление отрока Герасима.

20. Исцеление женщины Матроны, имевшей расслабленную правую руку.

21. Исцеление неизвестной женщины»¹.

В южной части галереи на внешней стороне (то есть на стене, не прилегающей к зданию самого собора) нижний ярус картин изображал призвание Михаила Феодоровича на царство.

«1. Торжественное шествие из Костромы в Ипатьевский монастырь архиепископа Феодорита во главе архимандритов, костромского духовенства, бояр и бесчисленного множества народа, с иконами и хоругвями, для приглашения Михаила Феодоровича на царство.

2. Встреча с Михаилом Феодоровичем и матерью его в Троицком монастырском соборе и упрашивание его принять царский скипетр.

3. Копия с послания от московской думы к Михаилу Феодоровичу с извещением об избрании его на царство. На стене славянский текст в золотой кайме.

¹ Сырцов И.Я., протоиерей. Стенная живопись в костромском Успенском кафедральном соборе // Костромские епархиальные ведомости. — 1908. — № 10. — Отдел неофициальный. — С. 289–290.

4. Михаил Феодорович в Троицком монастырском соборе восседает на царском троне уже как нареченный царь»¹.

В статье отца Иоанна приводились и сведения об истории самой росписи галереи собора: «Расписана галерея вся снизу доверху, не исключая и свода, в 1788 году на средства благотворителя купца Афанасия Андреевича Ашастина и жены его Марии Федоровны, ярославскими мастерами Дмитрием и Петром Иконниковыми, и в 1854 году подновлена на средства купца Филиппа Михайловича Солодовникова мастером Александром Сапожниковым (надпись в клейме на стене за стойкой старосты)»².

Интересно отметить, что в данной статье протоиерей Иоанн Сырцов говорит о явлении чудотворной иконы в Костроме в 1239 году — однако в следующих своих работах, опубликованных в том же 1908 году, он отказывается от этого ошибочного мнения, указывая на явление образа князю Василию в конце пятидесятых — начале шестидесятых годов XIII века. Видимо, изучение стенных росписей собора побудило отца Иоанна углубленно заняться историей костромской святыни, и уже вскоре в Костроме вышел из печати отдельным изданием его очерк «Сказание о Феодоровской чудотворной иконе Божией Матери, что в городе Костроме»³. Название брошюры не случайно: основу ее содержания составил пересказ пространной редакции Сказания, выполненный современным языком. Но в очерке нашлось место и для дополнительных сведений — о почитании Церковью Божией Матери и Ее икон в целом, об украшениях костромского чудотворного образа и об установленных в его честь празднествах, о почитании Феодоровской иконы царем Михаилом Феодоровичем и о ежегодном перенесении ее в Галич, об истории Костромского кремля и Спасо-Запрудненского монастыря. Отдельно рассматривается вопрос о времени явления иконы в Костроме, и автором делается вывод: «Таким образом, не будет большой ошибки, если мы явление святой иконы в Костроме отнесем к 50-м или к началу 60-х годов XIII столетия, когда костромской князь Василий Ярославич был еще простым удельным князем»⁴.

Наконец, в том же 1908 году в «Костромских епархиальных ведомостях» началась публикация большого сочинения протоиерея Иоанна Сырцова под названием «Костромской Успенский кафедральный собор». Судя по напечатанным первым главам (история собора до XVII столетия и собор в XVII–XVIII веках, до пожара 1773 года), автор имел целью собрать воедино всю имеющуюся информацию о прошлом древнего храма, в том числе и из церковных архивов, и написать на ее основе, как бы сказали сейчас, не столько специфически научную работу, сколько научно-популярный очерк. Как и другие исследователи того времени, отец Иоанн полагал, что Успенский собор был построен в камне при князе Василии Ярославиче в XIII веке — но при этом свое мнение о времени явления чудотворной иконы в Костроме он уже не менял.

¹ Там же. — С. 289.

² Там же. — С. 283.

³ Сырцов И.Я., протоиерей. Сказание о Феодоровской чудотворной иконе Божией Матери, что в городе Костроме. — Кострома, 1908.

⁴ Там же. — С. 6.

«Князь Василий Ярославич родился и стал костромским удельным князем в 1241 году. Икона явилась ему уже взрослому, когда он был уже в состоянии править княжеством сам, когда мог охотиться за зверями — словом, когда ему было по меньшей мере 15–20 лет. Следовательно, икона явилась около 1255–1260 года. (...)

Мы готовы заключить, что князь Василий Ярославич действительно успел еще до своей кончины закончить постройку Успенского собора и лично перенести в новопостроенный собор из деревянного Феодоровского собора чудотворную Феодоровскую икону, как гласит предание»¹.

Сочинение отца Иоанна могло бы стать интересным и всесторонним исследованием истории Успенского собора, однако завершить его автору не удалось. В №№ 19–23 епархиального журнала были опубликованы главы очерка, содержащие сведения о соборе до пожара 1773 года включительно², затем печать очерка прервалась, а в 1909 году протоиерей Иоанн Сырцов покинул Кострому и перешел на службу в Вятскую епархию. Причиной тому стали проблемы в распоряжении средствами кафедрального собора, выявленные церковной властью. Мы не можем сказать, что отец Иоанн был их прямым виновником; из опубликованного в «Костромских епархиальных ведомостях» указа Святейшего Синода от 3 июня 1909 года следует, что к маю 1909 года у собора накопилось 7734 рубля долгов, епархиальное начальство озаботилось этим вопросом еще в ноябре 1908 года, а 25–27 апреля 1909 года имущественное состояние собора обследовал приехавший из Санкт-Петербурга с ревизией оберсекретарь Святейшего Синода действительный статский советник Исполатов³. Судя по указу, материально ответственным за проблемы считался соборный староста купец Днепров, однако епархиальные власти признали отца Иоанна Сырцова несоответствующим должности настоятеля собора — что и стало причиной его переезда в Вятскую губернию. Уже оттуда отец Иоанн пытался обжаловать решение епархиальной власти в Синоде, но безуспешно⁴. Так, к сожалению, закончились его труды по исследованию истории Успенского кафедрального собора и чудотворной Феодоровской иконы.

Не исключено, что материальные проблемы кафедрального собора были связаны с проводившимися здесь в 1908 году масштабными ремонтными работами. Впрочем, в извещении об этом ремонте, опубликованном в ноябре 1908 года в «Костромских епархиальных ведомостях», говорилось, что для благоустройства собора летом 1908 года было собрано 3185 рублей пожертвований, а перерасход средств составил чуть более 300 рублей.

¹ Сырцов И.Я., прот. Костромской Успенский кафедральный собор // Костромские епархиальные ведомости. — 1908. — № 19. Отдел неофициальный. — С. 506–507.

² Сырцов И.Я., протоиерей. Костромской Успенский кафедральный собор // Костромские епархиальные ведомости. — 1908. № 19. Отдел неофициальный. — С. 501–520; № 21. Отдел неофициальный. — С. 552–561; № 22. Отдел неофициальный. — С. 581–592; № 23. Отдел неофициальный. — С. 606–614.

³ Указ Его императорского величества, самодержца всероссийского, из Святейшего Правительствующего Синода // Костромские епархиальные ведомости. — 1909. — № 11. Отдел официальный. — С. 190–191.

⁴ Там же.

«Все эти деньги [пожертвования — М.Ф.] употреблены на полное обновление соборов Успенского летнего и Богоявленского зимнего, соборной ограды и некоторых соборных домов. Соборы и прочие здания с внешней стороны сверху донизу заново выбелены, крыши их выкрашены медянкой, главки на святых вратах и на двух башнях позолочены, башни окрашены бархателю с наложением золотых звезд; оградная стена вся выбелена, решетки ее выкрашены медянкой, главки на столбах оградных выкрашены синей краской. Внутри соборов стены, иконостасы и полы протерты, очищены, поправлены, рамы оконные выкрашены; фронтоны, шкафы разделаны и покрыты лаком; множество подсвечников и лампад и сень над мощами Печерских чудотворцев высеребрены. Ремонт был настолько сложный, что потребовал даже денег больше на 300 с лишком рублей, чем собрано. Зато соборы теперь выглядывают как новые»¹.

Несколько ранее, в сентябре 1908 года, епархиальный журнал перепечатал заметку из газеты «Киевлянин» (судя по всему, № 192 за 1908 год), в которой рассказывалось о чудотворении от списка с чудотворной Феодоровской иконы Богоматери в женском монастыре Таврической губернии.

«Газета «Киевлянин» со слов газеты «Набат» передает о следующем чудесном исцелении от Феодоровской иконы Божией Матери. Недавно в Алешках Таврической губернии распространилась весть об исцелении от Феодоровской чудотворной иконы Божией Матери, копия с которой находится в Алешковском Успенском девичьем монастыре. Расследованием установлено следующее. 12 июня в названный монастырь прибыл крестьянин Воронежской губернии Т. Зеленин, который, служа в 55 пехотном Подольском полку, участвовал в войне против японцев. В июле 1905 года осколком бомбы он контужен в левую руку, отчего она совершенно иссохла и владеть ею он не мог. По выходе из лазарета Зеленин поселился при родителях в селе Турове. В апреле и мае во сне ему явилась чудотворная икона Феодоровской Богоматери, и Богоматерь сказала: «Поезжай в Алешки, и там в Успенском монастыре Я тебя исцелю». Посоветовавшись с родными, Зеленин отправился в монастырь 12 июня. В тот же день в комнате, которая была ему отведена монахинями, явилась ему молитвы пред иконой Богоматери Зеленин почувствовал, что он совершенно исцелен и может владеть рукой. Дознанием выяснено, как передает «Набат», что действительно 12 июня Зеленин явился в Успенский женский монастырь совершенно больным и рукой владеть не мог, но когда в тот же день вышел из Успенской церкви, то было замечено всеми, что Зеленин начал свободно владеть рукой»².

В июне 1909 года в Костроме состоялся IV областной историко-археологический съезд, ставший важным событием для костромских историков и краеведов (напомним, слово «археология» в то время трактовалось более

¹ От костромского кафедрального собора // Костромские епархиальные ведомости. — 1908. — № 22. Отдел официальный. — С. 345–346.

² Исцеление от Феодоровской иконы Божией Матери // Костромские епархиальные ведомости. — 1908. — № 18. Отдел неофициальный. — С. 491.

широко, чем сейчас, и подразумевало в целом науку о древностях). Слово «областной» в названии съезда разъяснялось так: «Он называется областным, в отличие от всероссийских, так как посвящен был вопросам археологии, имеющим отношение лишь к одной области — Ростово-Суздальской, обнимающей нынешние губернии Владимирскую, Нижегородскую, Тверскую, Ярославскую и Костромскую. Костромской областной съезд по счету уже IV (первый был в Ярославле, второй в Твери, третий во Владимире)»¹.

Открытие съезда состоялось 21 июня. Днем его участники присутствовали на закладке здания Романовского музея на Павловской улице в Костроме (ныне — историко-художественный музей на проспекте Мира), а вечером на той же Павловской улице в зале Дворянского собрания начались заседания съезда. Первое заседание открылось молебном, который епископ Костромской и Галичский Тихон совершил в зале Дворянского собрания пред ликом принесенной из кафедрального собора чудотворной Феодоровской иконы. Далее мы отметим некоторые из событий съезда, связанные с интересующими нас темами.

На вечернем заседании 22 июня И. В. Баженов представил свой реферат (доклад) «Судьбы Костромского кремля», в целом основанный на материалах очерка «Костромской кремль»². 24 июня совершалось торжественное празднование 300-летия победы над сторонниками Лжедмитрия II — «тушинского вора» — в битве при Святом озере (во второй половине XX века среди историков сложилось мнение, что эта битва произошла не летом, а в сентябре 1609 года³), и присутствовавшие на съезде приняли участие в торжествах.

«24 июня утром члены археологического съезда участвовали в крестном ходе из Ипатьевского монастыря к Святому озеру (верстах в трех от монастыря), совершенном в память одержанной здесь 300 лет назад победы костромичей над приверженцами самозванца Лжедмитрия II, известного под именем Тушинского вора, в июне 1609 года. (...)

Крестный ход совершен был после литургии в Ипатьевском монастыре, которую совершил преосвященнейший епископ Тихон. Вместе с владыкой в крестном ходе участвовало и все городское духовенство. Недалеко от Святого озера крестный ход остановился около часовни, при чем владыкой было совершенно осенение крестом на четыре стороны. На самом же берегу Святого озера, при деревне, отслужена была панихида о павших в бою за отчизну»⁴.

26 июня участники съезда осматривали Воскресенскую церковь на Нижней Дебре (ныне — собор) и Успенский кафедральный собор в Костромском кремле. В статье о работе съезда, опубликованной в епархиальном журнале, указывалось:

¹ IV областной археологический съезд в городе Костроме // Костромские епархиальные ведомости. — 1909. — № 13–14. Отдел неофициальный. — С. 441.

² Баженов И. В. Судьбы Костромского кремля // Труды IV областного историко-археологического съезда в г. Костроме, в июне 1909 г. — Кострома, 1914. С. 1–15.

³ Подробнее см.: Зонтиков Н. А. На Святом озере // Костромская земля: Краеведческий альманах Костромского фонда культуры. Выпуск 3. — Кострома, 1995. — С. 40.

⁴ IV областной археологический съезд в городе Костроме // Костромские епархиальные ведомости. — 1909. — № 15. Отдел неофициальный. С. 487–488.

«При осмотре Успенского собора выяснено, что он построен был первоначально в XIII веке, в княжение Василия Ярославича костромского; но неоднократно пожары и переделка совершенно изменили его первоначальный вид; даже кладка его стен, насколько можно судить о том по наблюдениям и впечатлениям, вынесенным из осмотра его подвалов, носит на себе следы XVII века. Предметов отдаленной старины сохранилось в этом соборе немного. Находящаяся здесь чудотворная Феодоровская икона Богоматери представляет важнейший и древнейший памятник не только Успенского собора, но и всей Костромы. Явление ее относится к XIII веку и соединяется с именем костромского князя Василия Ярославича Квашни, брата святого Александра Невского, сына Ярослава Всеволодовича. Икона мерой 1 аршин 2 ½ вершка, в ширину 12 вершков, украшена массивной золотой ризой и имеет рукоять, указывающую на то, что в Городце, первоначальном месте ее нахождения, она была запрестольной иконой. Краски иконы сильно потемнели, повреждены и исправлены неоднократно»¹.

Вечером 26 июня на заседании съезда выступил профессор Московской духовной академии А. П. Голубцов (сын священника Костромской епархии, выпускник Костромской духовной семинарии 1882 года) с докладом на тему «Автор древней повести о Феодоровской иконе Божией Матери»². Докладчик (или, как его именовал епархиальный журнал, референт) рассматривал в своем выступлении минейную (или милютинскую) редакцию Сказания, которую он и называл «древней повестью».

«Указав на важное значение повести в истории и археологии главнейшей местной святыни, референт остановился на составителе ее. Высказав догадку, что последним мог быть отец Иоанн Милютин, в августовской четь-минее которого помещена повесть, он сообщил сведения о Милютине, его нахождении в Троице-Сергиевой лавре, его писательских приемах и особенно на [так в тексте — М. Ф.] тех данных, которые сообщает повесть о церкви святого Феодора Стратилата в Костроме, ныне не существующей, но до конца XVI века бывшей главнейшей соборной церковью в ней. (...)

Реферат г[–на] Голубцова возбудил оживленные прения. Академик А. И. Соболевский высказал сомнения, чтобы автором трактуемой повести мог быть священник Милютин; списки повести о Феодоровской иконе Божией Матери встречаются довольно часто, отличаясь то большими, то меньшими подробностями, а между тем милютинские четь-минеи были мало кому известны. Священник Милютин, может быть, пересказал другие, более ранние сказания, а автором повести был, вероятно, костромич, написавший повесть в утешение своим согражданам в виду тяжелых испытаний, которые претерпевала Русь. Возможно и то предположение, что автор повести был одним из игуменов Чудова монастыря в Москве.

¹ Там же. — С. 492–493.

² Текст доклада см.: Голубцов А. П. Автор древней повести о Феодоровской иконе Божией Матери // Богословский вестник. — 1911. — Том 3. — № 10. — С. 364–371 (2-я пагин.). Другая публикация того же текста: Голубцов А. П. Сборник статей по литургике и церковной археологии. — Сергиев Посад, 1912. — С. 137–144.

В ответ на соображения А. И. Соболевского референт заметил, что он и не настаивает на авторстве отца Иоанна Милютина; весьма возможно, что последний, как и другие книжники его времени, был только компилятором. Пробыв в лавре несколько лет послушником, Милютин был потом священником и, быть может, в Костроме — своим родном крае [в действительности отец Иоанн Милютин был родом из Балахны под Нижним Новгородом — М.Ф.]. Но предположение, что автором повести был один из игуменов Чудова монастыря, имеет мало оснований, так как игумены и вообще книжные люди Чудова монастыря того времени хорошо известны и близкого отношения к Костроме, сколько известно, не имели»¹.

Современные исследователи полагают, что минейная (милютинская) редакция Сказания была создана вскоре после событий 1613 года, а священник Иоанн Милютин являлся лишь переписчиком ее текста².

Экскурсия в Успенский кафедральный собор 26 июня породила у участников съезда вопросы о времени его построения, и уже на следующий день — 27 июня, после утренних торжеств в связи с праздновавшимся 200-летием Полтавской битвы — во второй половине дня инженер из Санкт-Петербурга И. Б. Михайловский, также участвовавший в работе съезда, сделал по этому поводу специальный доклад, вкратце сводившийся к следующему: следов постройки XIII века не обнаружено.

«По просьбе председателя съезда Н. В. Покровского один из членов съезда, петербургский инженер и преподаватель истории гражданских инженеров Иосиф Б. Михайловский обследовал стены и подвалы Успенского собора с целью найти хотя бы какие-нибудь следы древней постройки XIII века, но нигде и ни в чем таких следов не нашел: все здание представляется значительно новее и никоим образом не может быть отнесено к тому времени (см. журнал съезда № 8 от 27 июня)»³.

Историко-археологический съезд завершил свою работу вечером 29 июня. На заключительном его заседании председатель съезда профессор Н. В. Покровский произнес речь, цитату из которой видится уместным привести здесь (хотя она и не имеет непосредственного отношения к рассматриваемым нами темам):

«Хотелось бы думать, что непосредственное соприкосновение с костромской стариной оживит в нас интерес к ней, вызовет потребность ближайшего ознакомления с ней, серьезного изучения ее, а отсюда, быть может, загорится в нас искорка уважения и любви к ней. Мы не можем любить того, чего не знаем; узнаем старину и полюбим ее. А любовь созидает все. Она породнит нас

¹ IV областной археологический съезд в городе Костроме // Костромские епархиальные ведомости. — 1909. — № 15. Отдел неофициальный. — С. 493–494.

² Радева О. Н. Сказание о Феодоровской иконе Пресвятой Богородицы в книжной культуре России XVII–XVIII веков. — Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. — М., 2011. — С. 157, 179.

³ Лебедев Д. И. [протоиерей]. История соборных храмов Феодоровского и Успенского в городе Костроме в связи с повестью о Феодоровской иконе Богоматери, краткой историей и топографией древнего города. — Кострома, 2010. — С. 80.

с заветами старины, осветит пред нами наше историческое прошлое и укажет пути грядущего»¹.

(Продолжение статьи в следующем номере)

*Metropolitan of Kostroma and Nerekhta
Ferapont (Kashin),
Candidate of Theology, Head of the Department
of Theological Disciplines of
Kostroma Theological seminary*

**MATERIALS ON THE HISTORY OF THE THEODOROVSKAYA ICON
OF THE MOST HOLY THEOTOKOS AND THE KOSTROMA KREMLIN
IN THE BEGINNING OF THE XX CENTURY**

Part 1

This article, as well as the previously published collection of materials on the 19th century, presents in chronological order the texts from various sources collected by the author for writing a book about Theodorovskaya Icon of the Most Holy Theotokos.

All dates in the text are given according to the old style, abbreviations are disclosed without additional reservations or (in case of their possible ambiguity) by means of square brackets, the author's explanations are highlighted in square brackets. Quoting is done primarily in accordance with modern spelling and punctuation standards.

Key words: *Theodorovskaya icon of the Mother of God, Kostroma, Kostroma diocese, Kostroma Kremlin.*

Citation: *Ferapont (Kashin), metropolitan of Kostroma and Nerekhta. Materials on the history of the wonderful Theodorovskaya icon the most Holy Theotokos and the Kostroma Kremlin in the beginning of the XX century. Part 1 // Ipatievsky vestnik. — 2021. — № 4. — P. 45–62.*

¹ IV областной археологический съезд в городе Костроме // Костромские епархиальные ведомости. — 1909. — № 16. Отдел неофициальный. — С. 514.